

УДК 316.34/.35

ББК 60.54

Д 14

М.А. Дакоро,

докторант кафедры социологии, политологии и права института по переподготовке и повышению квалификации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, e-mail: ippk2004@yandex.ru

Проблема генезиса и специфики российской интеллигенции

(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу различных концепций российской интеллигенции, объясняющих генезис и специфику этой социальной группы. Выделяются основные черты российской интеллигенции, сходство и различие этой группы с западными интеллектуалами. Рассматривается роль российской интеллигенции в формировании российского национального сознания.

Ключевые слова: интеллигенция, модернизация, традиция, национальная культура, модернизация, этническая традиция, интеллектуалы, рационализм.

M.A. Dakoro,

Doctoral Candidate of Sociology, Political Science and Law Department of Institute of Retraining and Qualification Improvement, Southern Federal University, Rostov-on-Don, e-mail: ippk2004@yandex.ru

The problem of the genesis and the specifics of the Russian intelligentsia

Abstract: The paper presents the comparative analysis of various concepts of the Russian intelligentsia, explaining the genesis and the specificity of this social group. The main features of the Russian intelligentsia, similarities and differences between this group and the Western intellectuals are highlighted. The author examines the role of the Russian intelligentsia in the formation of the Russian national consciousness.

Keywords: intelligentsia, modernization, tradition, national culture, modernization, ethnic tradition, intellectuals, rationalism.

Возникновение интеллигенции в России было связано не с внутренними процессами социальной дифференциации и усложнением культуры, но с реформаторской политикой российской власти. Интеллигенция обязана своим существованием преобразованиям Петра I, в результате которых в России появляется собственная наука и система образования. Российское общество не пережило ключевых для формирования западной интеллектуальной традиции периодов Возрождения и Просвещения, собственная интеллектуальная традиция в российском обществе была крайне слаба. Российское общество

получило интеллектуальную традицию как «готовый продукт», что обусловило и отношение к этому продукту — его надлежало освоить и использовать, приспособив к собственным нуждам. С одной стороны, эта ситуация обусловила неизбежно вторичный характер деятельности российской интеллигенции, её зависимость от внешнего источника смыслов. С другой стороны, эта ситуация привела к появлению специфической функции российской интеллигенции — служить посредником между западной и российской культурами. Западная интеллигенция не имела функции транслятора внешней культуры.

В силу верхушечного характера российской модернизации российский образованный слой довольно долго не имел иных сфер приложения своих сил, чем государственная служба и немногочисленные учебные заведения. Многие приобщившиеся к западной образованности российские интеллектуалы из дворян вообще не занимались какой-либо профессиональной деятельностью. Российские интеллектуалы также довольно долго были лишены достаточно широкой аудитории, поскольку круги образованной общественности составляли в России незначительное меньшинство.

Тем не менее, начиная с 19 века, вокруг интеллигенции велась довольно интенсивная полемика, которая шла, преимущественно, в кругах самой же интеллигенции. Само понятие «интеллигенция» возникло, как принято считать, в 1866, ввел его П.Д. Боборыкин. Однако современные исследователи отмечают, что термин «интеллигенция» употреблялся и раньше — в 1863 г. он встречается у И.С. Аксакова, а в дневнике В.А. Жуковского он встречается в 1836 г. Таким образом, слово возникло раньше, чем попало в поле широкого общественного внимания.

Значение термина всегда было довольно размытым и дискуссионным, причем эта тенденция сохраняется и до сего дня. Размытость термина, как нам представляется, обусловлена нечеткостью социальной позиции, которую интеллигенция долгое время занимала в российском обществе, неопределенностью её социального статуса, а также некоторым рассогласованием между достаточно высокой самооценкой интеллигенции и реальным её положением.

В российской социально-исторической и философской мысли существует множество определений интеллигенции, что говорит о значимости данного вопроса для российского национального самосознания. Проблематика интеллигенции тесно связана в отечественном дискурсе с проблемой специфики российской культуры, российской цивилизации. Это закономерно: если Россия является неким самобытным культурным миром, то и интеллигенция должна быть самобыт-

ной. Широко распространена практика противопоставления российской интеллигенции и западных интеллектуалов. В качестве специфики российской интеллигенции чаще всего выделяется её оппозиционность, любовь к «народу», особая этика (аскетизм, мессианизм) и т.д.

Однако существует и противоположная точка зрения, согласно которой российская интеллигенция в основных своих чертах практически ничем не отличается от западных интеллектуалов. Единственное существенное различие касается условий появления этого слоя: на Западе он возникает «органически», в России — в результате внешнего влияния.

Интеллигенция прежде всего осмысляет себя в отношении к власти (в частности, к царю как олицетворению власти) и к народу. Отношение к власти и к народу определяет, координаты семантического пространства, положительный и отрицательный полюсы: интеллигенция противопоставляет себя власти, и она служит народу (которому она, тем самым, фактически также себя противопоставляет). При этом и понятие власти (в частности, представление о монархе), и понятие народа с течением времени могут менять свое содержание, на разных исторических этапах они могут приобретать совершенно различный смысл — и это, естественно, отражается на поведении интеллигенции; тем не менее, сама противопоставленность, сама структура отношений — сохраняется» [1].

Б.А. Успенский, как и многие другие отечественные исследователи, отмечает, что сформированные в западном культурном контексте понятия, попадая в поле российской культуры, приобретают несколько иной смысл и функционируют иначе. Это касается и понятия «интеллигенция». Восходя к тем же основам, что и западный интеллектуализм, российский термин означает нечто иное. По мнению Б.А. Успенского, российскую интеллигенцию отличает оппозиционность официальным институтам. Такая точка зрения весьма распространена в российских исследованиях интеллигенции

и является частью самопонимания этого слоя.

Однако западные интеллектуалы ничуть не менее критичны по отношению к официальным институтам, за что и подвергаются критике со стороны лояльных интеллектуалов. Но и в России критическая интеллигенция была лишь частью лояльного интеллектуального слоя. Думается, что акцент на критичности российской интеллигенции является скорее частью мифологии этого слоя, частью идеологии его критического сегмента. И это имеет большое значение для понимания сущности самосознания российской интеллигенции, поскольку социальные группы действуют на основе самопонимания, представления о собственной идентичности. Для российской интеллигенции это означает, что для неё главным является противостояние, а не сущностное самоопределение. Например, если доминирующим, поддерживаемым «властями» культурным трендом будет религия, «критическая интеллигенция» будет склоняться к атеизму, и наоборот.

Как полагает Б.А. Успенский, не столько заимствование западной культуры создает российскую интеллигенцию, но и противостояние власти. Ключевым моментом в оформлении самосознания российской интеллигенции он считает эпоху Николая I, когда российская власть интенсивно преобразовывалась из патримониального господства, основанного на понятиях личной чести, преданности и т.д. в безличную бюрократическую машину. До Николая I оппозиции царям в России не было.

Ключевое значение николаевской эпохи в становлении оппозиционной российской интеллигенции отмечали еще Г.П. Федотов и Н.А.Бердяев. Бердяев писал: «...после воцарения Николая I все пошло путем нарастания раскола и революции. Русская интеллигенция окончательно оформилась в раскольничий тип. Она всегда будет говорить про себя «мы», про государство, про власть — «они»» [2].

В николаевскую эпоху на смену религиозной приходит магическая модель, суть которой заключается в том, что желаемый результат обеспечивает-

ся только правильным поведением. Отношения с государем в эту эпоху заменяются отношением с государством как с упорядоченной системой (что предусматривает резко повышенное значение формальной, бюрократической стороны); и в новых условиях, разумеется, возможен личный контакт с царем, но царь — в подавляющем большинстве случаев — уже не волен изменить им же самим установленный порядок.

«...Интеллигенция как специфическое социальное явление ... возникает именно как реакция на этот новый порядок. Оппозиционность системе — и лицу, персонифицирующему эту систему (царю), — становится имманентным фактором, который по-разному реализуется в разных исторических условиях, но неизменно определяет, так или иначе, общий код поведения. Русская интеллигенция — всегда оппозиционна, это та группа общества, которая в принципе, по самой своей природе, не может быть привлечена к участию в государственной деятельности, не может быть вовлечена в бюрократическую машину; строго говоря, интеллигент не может принадлежать к бюрократической администрации, он не может управлять, администрировать» [3].

Следует отметить, что отчуждение интеллигенции от государственной машины возродилось в 60-80-е годы XX века, когда советская интеллигенция вернулась к своему оппозиционному поведению, которое этот слой временно утратил в период сталинского режима, практически уничтожившего старую российскую интеллигенцию и воспитавшего новую интеллигенцию — советскую. Однако, лояльная на первом этапе своего существования, позже советская интеллигенция воспроизвела традиционный для отечественной культуры стереотип интеллигентского поведения.

По мнению современного российско-американского исследователя А.Зорина, уваровская «триада» не просто влияла на содержание интеллигентского сознания, но и прямо определяла это содержание, поскольку конструировала основные объекты размышлений российской интеллиген-

ции — народ и власть. Интересно, что знаменитое философическое письмо А.Я. Чаадаева, ставшее парадигмальным для дальнейших размышлений российской интеллигенции о судьбах России, в некоторых своих идейных положениях совпадало с уваровскими размышлениями о специфике России. В частности, как Чаадаев, так и Уваров полагали, что сущность русского народа составляют православие и самодержавие. Другое дело, что оценивались эти начала по-разному [3].

Отношение оппозиционной российской интеллигенции к Западу, как отмечает большинство и западных, и отечественных исследователей, было двойственным, соединяло в себе критическое отношение к западным «расчетливости», «формализму», «индивидуализму» и т.д., в которых нетрудно опознать проявления модернизации общественного уклада западных обществ, с уважением к культурным и экономическим достижениям, а также к принципам личности и личностной свободы, которые, однако, надо было «дополнить» общинным (соборным) началом, которое «сохранил» русский народ. «Общинность», противопоставляемая славянофилами западному индивидуализму, не является уникальным русским качеством. Преобладание коллектива над индивидуальностью, как хорошо известно сегодня, — это черта, свойственная традиционным обществам вообще, отнюдь не только России. Однако для славянофилов эта черта народного быта естественным образом предстала как уникальная, поскольку они не имели того исторического опыта, который позволял бы им увидеть типичность этого феномена.

Сочетание притяжения и отталкивания в отношении к западной культуре, характерное для ранней российской интеллигенции, привело некоторых исследователей к довольно радикальным выводам. Так, С. Броувер [5] находит аналогичное отношение в карго-культурах и полагает, что российская интеллигенция представляет собой типологически сходный феномен.

Сравнивая культуры карго и российскую интеллигенцию XIX века, Броу-

вер обнаруживает следующие общие черты:

— утопическое ожидание скорого восстановления своей древней, исконной культуры вместе с отрицательным отношением к своей современной культуре;

— желание избавиться от чужой культуры, сохраняя при этом некоторые ее несомненные блага, которые своя культура не способна сама произвести;

— подражание внешним формам чужой культуры;

— ожидание, что все это сбудется не слишком в отдаленном будущем и путем внезапной трансформации, т.е. без указаний конкретных шагов для реализации такой метаморфозы [6].

Двойственное отношение к западной культуре, свойственное российской интеллигенции, исторически не является уникальным и не свидетельствует о какой-то особой «отсталости» и «незрелости» российской интеллигенции. Практически все общества догоняющей модернизации переживали подобные состояния. Но отнюдь не только модернизация задает отношение между культурами в форме «донор — реципиент».

Литературоцентричность российской интеллигенции, учительная функция русской литературы, по мнению Гаспарова, тоже не является специфичной только для России [7]. Ведь и русский роман во многом создавался по образцу западного. И разве не ставил европейский роман моральные проблемы перед своим читателем? То, что русская классическая литература получила на Западе широкое признание, свидетельствует о том, что она, по сути, была европейским явлением, близким и понятным западному сознанию.

В связи с проблемой отсутствия собственного рационального самоописания в российской культуре, интересно обратиться к пониманию интеллигенции вообще и интеллигенции российской в частности, представленному в работе К. Касьяновой «О русском национальном характере» [8].

Эта работа представляет собой любопытную попытку подвести под поиски национального характера эмпирическую почву — выводы автора

основываются на результатах психологического тестирования. Однако нас интересует в данный момент не специфика национального характера россиян, а именно интеллигенция, рассмотрению которой Касьянова тоже уделяет внимание.

Задачу интеллигенции в современных обществах Касьянова видит в создании комплекса идей, способных объединить формирующиеся национальные сообщества, поскольку модернизация разрушает традиционные сообщества и подрывает власть традиционной культуры. Многочисленные атомизированные нации нуждаются в общей культуре. Однако выработываемая национальная культура должна сохранять некоторую преемственность по отношению к существовавшему ранее культурному наследию.

Западные интеллектуалы, являясь представителями тех же обществ, которые они «окультуривали», интуитивно двигались в том же смысловом пространстве и вольно или невольно сохраняла эту идейную преемственность. Однако в России ситуация складывалась иначе. Отечественная интеллигенция, как выше уже неоднократно отмечалось, транслировала, в основном, западные идеи. Эта проблема осознавалась и самими представителями русской интеллигенции. Еще А.С. Хомяков писал: «На Западе всякое учреждение так же, как и всякая система, содержит в себе ответ на какой-нибудь жизненный вопрос, заданный прежними веками...» Но это — ответы на их вопросы. Наша жизнь и история ставят нам другие задачи и проблемы, «а мы еще ничего не сделали, продвигаясь раболепно в колесах, уже прорезанных Западом, и не замечая его односторонности» [9].

Идейная зависимость от Запада была не единственной проблемой. Другая — тоже неоднократно отмечаемая «оторванность» российской интеллигенции от собственного народа. Причастность (зачастую поверхностная) западной культуре только усугубляла эту оторванность, российская интеллигенция при всем своем огромном желании слиться с народом и отстаивать его ин-

тересы, не стала «органической интеллигенцией» (в терминах А. Грамши) для российского крестьянства. В этом заключалась как трагедия интеллигенции, так и трагедия народа.

Для модернизирующейся России до сих пор актуальной остается проблема рассогласования государственного начала, интеллигентского сознания и народной культуры, основанной на архетипах и ментальных схемах, так и не проясненных интеллектуальной рефлексией и не переведенных на сознательный уровень. Нет собственно «национальной культуры», как нет и нации — общности, спаянной своей национальной культурой, выросшей на определенной культурной почве.

Это обстоятельство привело к тому, что попытка русской интеллигенции выработать приемлемый для всего общества комплекс идей, на основании которого могла бы сложиться нация, окончилась неудачей. По мере возникновения все новых сфер, требующих регулирования (производство, транспорт, связь, система образования, система медицинского обслуживания, социального страхования), государство расширяло свой контроль, создавая всеобъемлющий бюрократический аппарат.

Избавившись от интеллигенции как слоя в периоды гражданской войны и культы личности, государство попыталось объявить себя единственным представителем общественного сознания, предложив вместо «круговращения идей» усиленную пропаганду избранной идеологии посредством рассылки циркуляров, лекций и кружков политучебы.

Таким образом, происхождение и генезис российской интеллигенции сделали для неё невозможным выполнение важнейшей функции интеллектуалов в современном массовом обществе — формирование единой национальной культуры, выросшей из собственной этнической традиции. Российская интеллигенция остается проводником западных идей, но этого недостаточно для решения задач создания нации и национальной культуры, способных преодолеть разрыв между «верхами» и «низами» российского общества.

Однако подобная проблема — не только российская. Эта проблема характерна для большинства стран догоняющей модернизации. И в современных условиях решить её, по всей видимости, уже невозможно, поскольку изменились исторические условия. В современном глобализирующемся мире сложно даже сохранять сложившуюся национальную культуру и национальную идентичность, не то что формировать её. Кроме того, за многие годы активного взаимодействия с западной культурой и собственного модернизационного развития российское общество в значительной степени утратило то, что можно в полном смысле слова называть этнической традицией. Повседневная жизнь современного россиянина проходит примерно в тех же условиях, что и повседневная жизнь гражданина любого западного общества — это городская, индивидуализированная атомизированная жизнь, связанная с работой в формальных организациях, интенсивным потреблением, находящаяся

под информационным воздействием массовой культуры, размывающей различия между национальными культурами. Думается, что на современном этапе у российского общества остается один вариант нормального развития — продолжающееся освоение западного культурного наследия. Тем более что между Россией и Западом нет настолько глубоких цивилизационных различий, как например, между Западом и Китаем, Западом и исламским миром. Россия вполне может рассматриваться как часть европейской культуры, хоть и обладающая определенным своеобразием. Но ведь и «западный мир» отнюдь не гомогенен, различия между национальными культурами различных западных обществ довольно заметны, однако это не мешает им располагать общей цивилизационной идентичностью. В России же в нынешних условиях попытки сконструировать нечто «самобытное» неизбежно оказываются срывом в архаику, а не продвижением вперед.

Примечания:

1. Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М.: О.Г.И., 1999. С.9.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 1990. С.21.
3. Успенский Б.А. Указ.Соч. С. 12-13.
4. См.: Чаадаев П.Я. Философические письма. Апология сумасшедшего. М., 2011.
5. Броувер С. Парадоксы ранней русской интеллигенции. Национальная культура versus ориентация на Запад // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. М.: О.Г.И., 1999.
6. Броувер С. Указ.Соч. С. 60.
7. Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М.: НЛЮ. 1995.
8. Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт Национальной Модели Экономики. 1994.
9. Хомяков А. Мнение русских об иностранцах // Полн. собр. соч. 4-е изд. Т. 1. М., 1911. С. 48.

References:

1. Uspensky B.A. Russian intelligentsia as a specific phenomenon of the Russian culture // Russian intelligentsia and western intellectualism: history and typology. M.: O.G.I., 1999. P. 9.
2. Berdyaev N.A. The origin and purpose of Russian communism. M.: Nauka, 1990. P. 21.
3. Uspensky B. A. The mentioned work. P. 12-13.
4. See: Chaadayev P.Ya. Philosophic letters. Apologia of a madman. M., 2011.
5. Brouwer S. Paradoxes of early Russian intelligentsia. National culture versus orientation to the west // Russian intelligentsia and western intellectualism: history and typology. M.: O.G.I., 1999.
6. Ibidem. P. 60.
7. Gasparov M.L. Selected articles. M.: NLO, 1995.
8. Kasyanova K. On Russian national character. M.: Institute of National Model of Economics, 1994.
9. Khomyakov A. Russians' opinion about foreigners // Khomyakov A. Complete coll. of works. V. 1. 4th ed. M., 1911. P. 48.